

УДК 1(091):101.1:101.8:130.2

Т. Д. Суходуб

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ КАК ФИЛОСОФИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ Г. Г. ШПЕТА

Центр гуманитарного образования Национальной Академии наук Украины
ORCID: 0000-0002-7801-8126

Аннотация. В статье актуализируется проблема понимания культуры в контексте феноменолого-герменевтической методологии Г. Г. Шпета (1879-1937). Показано, что «положительная философия» (термин Шпета) как «строгая» наука является способом обоснования сущего, предполагает понимание философских истин и за границами познания – в опыте сознания как единстве «мышления» и «смысла». Сделан вывод, что разработка «философии культуры» как философии возможностей базируется на шпетовском варианте феноменологии, в котором концептуализацию получает социокультурное измерение бытия, что позволяет выделить в опыте многообразие предметностей – социальных, социокультурных, этнопсихологических, художественно-эстетических и других феноменов. «Общность» сознания в бытии культуры оформляется через общение.

Ключевые слова: Г. Г. Шпет; история русской философии; «серебряный век»; феноменология как философская дисциплина; герменевтика; культура философского мышления; философия культуры.

Введение

К творчеству Г. Г. Шпета, анализу философии и культуры Серебряного века, автор статьи уже обращался в предыдущих своих публикациях, в частности, в данном журнале (Суходуб, 2009; Суходуб, 2018; Суходуб, 2020), акцентируя свой исследовательский интерес на духовно-интеллектуальных особенностях эпохи, категориальном строе и языке философствования мыслителей конца XIX – первой половины XX вв. Что касается философии Г. Г. Шпета, то исследовалась его концепция различения философского и научного знания, «теоретической» и «практической» философии. Идеи философа о том, что философское познание не является чисто теоретическим, что оно нацелено на «конкретную полноту и целостность» бытия, что «теоретичность», «конкретность» в философии связана не только с возможностью «умозрения сущностей», вписываемых в определённую систему знания, но и с установлением философией (в отличие от науки) собственных пределов, с её нацеленностью на критический пересмотр своих же предпосылок, важна и для данного исследования.

Стоит также подчеркнуть, что Г. Г. Шпет, рассматривая в содержательном отношении философию как знание, специфику этого знания связывает с предметом философии, в котором уже заложена как «теоретичность» философии, так и её «практичность». Так, имея в виду многовековую традицию философского развития, Г. Г. Шпет отмечал, что «...у философии был один предмет – конкретный, предмет конкретной действительности. Это отличительная черта философского знания: философское знание есть всегда и по существу знание конкретное и цельное; в этом прямой замысел и постоянное напряжение всей философии. Философия не может примириться с частностью, с абстракцией, с частичностью; – как требовал Платон, она направляется на «всё», на всё в его идее, т.е. она направляется по существу на конкретное и цельное: $\xi\upsilon\ \chi\alpha\iota\ \tau\acute{\alpha}\upsilon$ » (Шпет, 1916: 429).

При этом философ противопоставляет «теоретическое знание» как некое начало философствования не только началу практическому как деятельному, но и как действительному (см.: Шпет, 1991: 215). В этом

плане практическое приобретает в философии «новый смысл», демонстрируя возможности многообразного индивидуального и общественного бытия человека, что отражается в оформлении самого разного порядка социокультурных предметностей – эстетических, художественных, психологических, этнических, социальных и т.д. Из этой логической связки рассуждений вытекает, по сути, актуализация Г. Г. Шпетом проблемы понимания культуры как сферы бытия, состоящей из вышеуказанных измерений.

Цель и задачи

Цель исследования – воссоздать философско-методологическую позицию Г. Г. Шпета, послужившую основанием его понимания философии как «строгой науки» о смыслах, проявленных предметностях социокультурного бытия человека. Таким образом поставленная цель потребовала решения следующих задач: раскрыть смысл историко-философских работ философа; представить его концепцию исторического развития философского знания; проанализировать авторскую интерпретацию взаимосвязи философии, искусства, науки в контексте «феноменологического поворота» в философии.

Методология исследования

Методология исследования – феноменолого-герменевтический подход в контексте идей герменевтики и феноменологии, разрабатываемых Г. Г. Шпетом. Подчеркнём, что в этом аспекте акцент в исследовании сделан не просто на герменевтической установке, связывающей понимание с бытием, а учитывается подход самого философа, который, по сути, предвосхитил «герменевтический поворот» в современной философии, наметив путь от традиционной герменевтики сознания к герменевтике бытия (см.: Шпет, 1914).

По его мнению, понимание бытия – это путь раскрытия смыслов опыта, связанного с культурой, формами социального и исторического развития, языком, словом как социальным знаком, являющих не сущее как таковое, а культуру, во всей полноте её возможных форм существования. Идея необходимости ориентации философии на социокультурное измерение бытия концептуально утвердилась в работе «Герменевтика и её

проблемы», впервые опубликованной в 1918 г.: «Если мы подойдем к понимаемому и излагаемому не со стороны только формы, но и стороны их содержания, – писал Г. Г. Шпет, – то мы убедимся, что речь идет у нас не о двух разных содержаниях, а об одном и том же. Нетрудно также убедиться и в том, что это содержание имеет свои формы, именно присущие всякому содержанию онтологические формы, также общие как со стороны понимания, так и со стороны изложения» (Шпет, 2007: 193).

С другой стороны, стоит отметить, что «феноменологический поворот», осуществленный в философии Э. Гуссерлем, был близок Г. Г. Шпету – и как критика «классической» философии трансцендентализма, и как нацеленность на особый образ понимаемую предметность, присутствующую в опыте как единстве «мышления» и «смысла», как интенциональность сознания, опираясь на которую, можно интерпретировать реальность. Неприемлемо для обоих философов было и характерное для «модерной» философии понимание сознания, когда его «всеобщность» объяснялась как результат абстрактно-логического обобщения познавательного, духовно-культурного пути человеческого бытия. При этом отметим, что Г. Г. Шпет, хотя и считал Э. Гуссерля своим учителем, был вполне самостоятельной фигурой. В шпетовском варианте феноменология получает особенную концептуализацию, так как нацелена на выделение в качестве предмета исследования на социальное как одно из важнейших форм бытия, чего не было у Э. Гуссерля. Да и «общность» сознания понимается философом как процесс, оформляющийся через общение, многообразие видов социокультурной коммуникации, присущих индивидуальному и коллективному сознанию.

Г. Г. Шпет интересовало многообразие предметностей (в первую очередь, социального порядка), их присутствие в опыте – в этом плане он ориентировался на всю полноту социокультурной сферы – от общественно-исторических фактов, социально-психологических, этнопсихологических, художественно-эстетических явлений и до феноменов философии, науки, искусства, прежде всего поэзии, литературы, театра.

Результаты

Свое понимание философии путей её развития Г. Г. Шпет выстраивает на основе критического анализа предшествующих традиций, оценивая последние не с позиции якобы «устаревшего» знания или исчерпавшего себя видения онтологических проблем, нигилистически «снямая» историю философии, а с позиции диалогового мышления, считая, что, несмотря на антагонизм идей и принципов, имевших место в истории философского познания, «философия в её целом есть нескончаемый спор. Облеченный в индивидуальные исторические формы, этот вечный спор даёт бесконечное разнообразие вопросов и ответов, которые и составляют содержание так называемой «истории философии». И чем большее разнообразие ответов встречает какой-то вопрос,

тем, следовательно, она богаче своим смысловым содержанием, тем больше альтернатив представляет раскрытие возможностей в смысле идеи» (Шпет, 1991: 220). Отсюда, согласно Г. Г. Шпету, и национальные традиции, и «национальный характер» философии рождаются – не в ответах, а в постановках философских вопросов, в интерпретациях проблем, которые являются отражением определённого социокультурного контекста бытия, накопленного исторического опыта того или иного народа. Поэтому на вопрос о национальной «оболочке» философии у Г. Г. Шпета имелся однозначный ответ: «Философия, – как он считал, – приобретает национальный характер не в ответах – научный ответ, действительно, для всех народов и языков один, – а в самой постановке вопросов, в подборе их, в частных модификациях. Интерес и отношение к той или иной проблеме, к той или иной стороне в ней носят местный, народный, временный характер, а никак не идеальные формы и содержание проблем» (Шпет, 1991: 218-219).

Изменения общественного мира во времени (а это и есть исторический процесс), так или иначе оформляющие совместное бытие людей и определяющие их уникально-экзистенциальные опыты жизни, детерминируют и формы философствования. Свой век философ считал «историческим по преимуществу» в силу того, что «... наша эпоха, – как утверждал, – в самом деле, пришла к ясному сознанию исторической проблемы. В этом смысле наша философия становится по преимуществу исторической философией, – и чем больше она будет проникаться идеей конкретного, как исторического, тем более она будет становиться исторической философией» (Шпет, 1916: 433-434).

По мысли Г. Г. Шпета, «философское конкретное», меняясь от эпохи к эпохе, безусловно, обновляется, так как трансформируется само «содержание жизни». Именно в этом процессе обретения новизны наблюдаем и «обогащение» философии, её «духовный рост», с чем связывает философ особенность философского знания, нетождественность философии науке. Отсюда, как утверждается, для философии всегда будет важна связь со своей историей, поэтому «требовать, чтобы философия устанавливала незыблемые положения, как в специальных отвлечённых науках, значит требовать, чтобы наша философия в точности только копировала жизненный опыт наших предков, а не заботилась о своём собственном опыте!» (Шпет, 1916: 438). Эти мысли философа, пожалуй, «возвращают» первичное значение латинскому термину «actualis» – «деятельное», а не исключительно в какие-то моменты важное или назревшее. Философия в понимании Г. Г. Шпета, действительно, призвана быть деятельной в своей задаче разъяснения нового опыта, исторически меняющегося содержания человеческого бытия. Отмечу, что и свою жизнь философ Шпет понимал как служение Философии, её делу, значит решению новых задач, перед ней стоящих в новых исторических обстоятельствах. Последние,

согласно его логике, связаны с содержательным многообразием предмета философии, что требует в этом многообразии видеть «...типы отношений, которые мы эмпирически характеризуем, как отношения культурные, правовые, религиозные и т. п.» (Шпет, 1916: 434).

Философия в своём историческом развитии приобретала формы и «мировоззрения», и «морали», и «проповеди» (в какой-то мере содержательно совпадая с ними, неся в себе их элементы), однако «основная философия» всегда, по мысли Г. Г. Шпета, формировала себя как знание, причём знание основ бытия самого сознания – в этом проявлялся да и проявляется неискажённый образ философии. Отсюда: «Я, действительно, сторонник философии как знания, – утверждает он, – не как морали, не как проповеди, не как мировоззрения. Я полагаю, что философия как знание есть высшая историческая и диалектическая ступень философии, но этим не отрицаю, а, напротив, утверждаю наличность предварительной истории, в течение которой философия становится в знание» (Шпет, 1991: 218). Вот такую философию мыслитель называет «положительной», связывая её становление и развитие с линией философствования, намечаемой Платоном, Лейбницем и др., и отличает её от «отрицательной», за которой скрывается абстрактность, односторонность познания и понимания бытия (что характерно для линий скептицизма, эмпиризма, критицизма и др.).

Задачей «положительной философии» Г. Г. Шпет, если немного перефразировать его мысль, считает заботу об опыте, новом жизненном опыте, существующем в конкретном социально-историческом времени, понимание которого одновременно будет и философским проникновением в творимую историю социокультурную действительность. Отметим, что к традиции «положительной философии» отнесил философ и учения П. Д. Юркевича, В. С. Соловьёва, С. Н. Трубецкого, Л. М. Лопатина, отводя при этом особую роль в развитии отечественной философии П. Д. Юркевичу. Стоит подчеркнуть, что до сих пор в оценке интеллектуально-творческого вклада мыслителя, как правило, указывается на религиозность его мировоззрения, а вот Г. Г. Шпет обратил внимание на иную особенность философского таланта П. Д. Юркевича, в частности, на то, что в процессе аргументации первоначально важно ему было опираться на «знание, тонкое понимание, самостоятельную мысль», что «... боролся он за Истину не преходящую, а стоящую над временем» (Шпет, 1990: 579).

Анализируя, таким образом, закономерности исторического существования философии, видя преимущества и недостатки прошлых учений, Г. Г. Шпет одновременно определялся и в собственном пути философа. Способ философского «подхождения к вопросу» (если высказаться шпетовским языком) о культуре метафизического мышления, адекватного задачам философского познания в современную философу

эпоху, он связывал с нацеленностью на сознание. Почему сознание выступило у Шпета ключевым вопросом? В первую очередь потому, что именно сознание изменяется с течением исторического времени и именно оно же это время и изменяет... Такую закономерность философ пояснял следующим образом: «Быстрая смена философских систем XVIII и XIX веков зависела именно от количества новых фактов, поразивших сознание человека, и в этом смысле каждая из них только отражает своё время. Философские системы идеализма уже не удовлетворяют нас, потому что мы живём в другом мире, имеем дело с другими явлениями, другими фактами и ищем других идей» (Шпет, 1990: 580-581).

Вот такой «другой» идеей, основополагающей для Г. Г. Шпета, стала феноменология. Согласно его представлению, философия в своём развитии эволюционирует, проходя определённые ступени, основные из которых – мудрости, метафизики и строгой науки – последняя, по сути, является целью философского познания. То есть, по мысли Г. Г. Шпета, философия, пусть и особая, но наука, поэтому для неё необходимо достичь третьей ступеньки, стать «строгой наукой» о «смыслах в явлениях». «Строгость» философии требует её нацеленности на опыт живого знания, на использование в анализе феноменов сознания интеллигентной интуиции, которая позволила бы увидеть специфику разных сфер социально-исторического бытия и культуры.

Ранее уже шла речь о том, что современную философию Г. Г. Шпет понимал как «историческую философию» в силу того, что философское «конкретное» ныне проявляет себя прежде всего «как историческое». А коль так, то понять историческую реальность или лучше так – историю как реальность, причём реальность становящуюся, в определённой мере проектированную человеческими действиями, возможно только через анализ также реально существующего (конкретно-исторически) социокультурного опыта, подлинность которого выказывается самой историей, её фактами, созданными социальными объектами, знаками и другими компонентами культуры. Показательна в этом отношении интерпретация философом феномена города, который недопустимо рассматривать как «природную реальность» и который давно заслуживает понимания исторического, впрочем, как и сама природа – исторически входящая в человеческое социокультурное бытие. Отсюда делается вывод: «Город действителен только как знак, слово, культура; быть – история. Пришло время историзировать природу...» (Шпет, 1922: 63).

Задача таким образом понятой философии одна – познание действительности, понимание того, что эта действительность реального социокультурного мира в конкретную эпоху собой представляет. Однако, пути философии – не менее сложные и трудные, нежели исторические, поэтому состояние, скажу так – «института» философии может характеризоваться весьма разными периодами – как способствующими её развитию, так и, напротив,

тормозящими. В силу этого надежды философа на мощь философского познания, его продуктивность сопровождались и несколько пессимистической констатацией реального положения дел в сфере философии. Так, Г. Г. Шпет писал: «Мы не знаем теперь, что такое действительность... С некоторого времени философия потеряла не только решение этой задачи, но и самое задачу. Появилось в мире не-знание, которого раньше не было. Это не-знание возникло тогда, когда философы вообразили, что они не познают, а «творят» и «преодолевают». Появились, под титлом идеалистов, философы-командиры. Современные переживальщики – их дегенеративные, цинические потомки; их болезненное состояние – *moral sanity* – делает их философски невменяемыми...» (Шпет, 1922: 52).

Тем не менее, предметом философского познания философ считает самые разные социокультурные феномены и его задача (личная задача как философа) – открыть их смыслы. Первой же в этом ряду, безусловно, стоит философия, смыслы которой также следует высветить, понять современным философским разумом. Об этом уже говорилось ранее, поэтому в рассматриваемом контексте мы, вслед за Г. Г. Шпетом, лишь отметим, что и собственно философия – социокультурный феномен и что в этом качестве её следует понимать как «высшее мастерство мысли, творчество красоты в мысли» (Шпет, 1922: 27). Иначе говоря, для Г. Г. Шпета «философия есть искусство». Но вот что касается обратного суждения – «искусство есть философия», то тут должно находить философские смыслы в самом искусстве, но не считать его в прямом смысле философией. Т.е., в понимании вышеуказанных суждений ни в коем случае, согласно мысли философа, нельзя исходить из возможности их «формального обращения», так как получена их истинность разными путями.

Объединяет искусство и философию то, что для обеих жизнь выступает материалом для размышлений, творчества философского и эстетического. При этом, конечно, философия является искусством – помимо отмеченного выше, и в силу того, что существует свободно, «независимо», «самобытно» (подобно искусству), без чётко выделенной «пользы», извне очерченного «задания», т.е. «чисто», творя «красоту из небытия красоты» (см.: Шпет, 1922: 27). Искусство же рассматривается философом как «...социальный факт, подчинённый своей особой сфере культурного, именно художественного сознания» (Шпет, 2003: 141); как «...культурно-социальный феномен, который, как средство в ы р а ж е н и я ... может служить также цели сообщения. Его роль в этом смысле аналогична слову...» (Шпет, 2003: 143). Отсюда, философ видит задачу необходимого различения философии и искусства. Тема эта приобретает особую значимость в контексте постановки вопроса о «синтезе искусств», имевшего место в 1920-е годы среди творческой интеллигенции. Г. Г. Шпет крайне критически оценивает сложившуюся таким образом ситуацию, иронично замечая: «Теперь искусства – органы

философии. Тут особенно ясно видно бессмыслие синтеза искусств: что такое «синтез» рук, ног и головы? – кровавая каша из мышц, нервов, костей. Но что такое живопись в поэзии, поэзия в музыке, и т.п.? – то же, что ходить на руках, обнимать ногами, целовать теменем... В действительности, – лишь метафора» (Шпет, 1922: 27).

Не принимая эту идею в качестве тенденции развития искусства категорически, философ пояснял, что «нужны поэты в поэзии, а как не нужны в поэзии музыканты, так не нужны и живописцы»; что «живописная поэзия родилась на заборе, там и место ей» (Шпет, 1922: 29, 30). Таким образом, искусство, конечно, есть философия, но приобретает оно свою философичность не через «синтез» с нею, а через свои собственные «законы» творчества, связанные прежде всего с интуитивным художественно-эстетическим познанием, которому желательно при этом быть ещё и разумным. В связи с этой проблемой – понимания искусства в контексте философии – Г. Г. Шпет поясняет: «Внутренняя форма, «образ», созерцание, интуиция бывают также у м н ы м и. Так начинается искусство как философия, перевал к последней конкретности, тут кончается вместе псевдофилософия и псевдоискусство, кончаются, для имеющих глаза и уши, до-прометеевские сумерки...» (Шпет, 1922: 30).

Безусловно, важнейшим социокультурным феноменом исторического бытия человечества является слово, пронизывающее (как вечная скрепа, сохраняющая духовные смыслы) прошлую культурную историю и присутствующее в современной. Неслучайно, в понимании философа «...слово в своей формальной структуре есть о н т о л о г и ч е с к и й п р о б р а з всякой культурно-социальной «вещи»» (Шпет, 2003: 140). Т.е., будучи фактом бытия, слово непосредственно связано со «второй» природой человека, отсюда: «Слово есть архетип культуры; культура – культ разума, слова – воплощение разума» (Шпет, 1923: 7). Как единица самых разных форм культурного сознания слово способно быть явленным вовне смыслом, т.е. иметь «статус» определённого социального знака (прежде всего, знака социокультурного общения), отражающего свою связь не столь с сущим как таковым, сколь с культурой, творимой человеком.

Указанную логическую связку между словом и культурой философ поясняет универсальностью слова, возможностью воссоздания в нём духа культуры. «Слово – универсально, – пишет он, – как само сознание, и потому-то оно – выражение и объективация, реальный, а не только условно признанный репрезентант всего культурного духа человечества: человеческих воззрений, понимания, знания, замыслов, энтузиазмов, волнений, интересов и идеалов» (Шпет, 2007: 444). В свою очередь, ««дух» сам мыслится как идея или смысл и с у щ н о с т ь, или даже как «разум», в общности, поскольку он постигается нами как сущность некоторого коллективного целого» (Шпет, 1927: 87). По сути, дух в философии Г. Г. Шпета мыслится тождественным феномену культуры, причём мыслитель подчёркивает, что «...сам «дух»

или культура – структурны. В общественном мире структурность – внешне приводящее оформление» (Шпет, 1923: 12).

Итак, культура – детище истории, а история не протекает вне процесса социокультурной объективации действующих в ней субъектов. «Действительно, – пишет философ, – мы утверждаем, что субъект, как социальный субъект, полностью выражается, объективируется, в продуктах своего труда и творчества, и во всех, следовательно, таких актах, которые, подобным же образом, материально запечатлеваются, и только в силу этого признаются, узнаются, наименовываються, и пр., вообще социально существуют» (Шпет, 2003: 195). В силу же того, что исторически действующие субъекты могут представлять собой отдельные личности или быть коллективными (например, этнос, класс, масса), результаты их усилий – созданные социокультурные объекты – могут отражать как индивидуальное, так и коллективное сознание. То есть, говоря в шпетовской логике и его философским языком, сознание может иметь «собственника», но вполне может его и не иметь – первое говорит о существовании феномена индивидуального сознания, рассматриваемого философом в широком духовно-культурном контексте (философии, поэзии, театра, литературы и т.д.), а второе – о существовании форм коллективного сознания, имеющего сверхиндивидуальные формы (такие, например, как этнопсихология тех или иных общностей); первое – предмет интереса философии, эстетики, истории искусств, литературоведения, второе – этнической и социальной психологии, социальной философии, истории и других научных дисциплин.

Впрочем, разделение между сознаниями, присутствующими в социокультурном бытии одновременно и действующими как совместно, так и раздельно, как по отдельности, так и связано, достаточно условно (если, конечно, не выделять авторство духовно-культурных явлений, что не всегда требуется, да и не всегда возможно). Отсюда, как считает философ, «...социальная и этническая психология располагают в изобильном богатстве индивидуально и типически разнообразным материалом бесконечного числа самих продуктов творчества, несущих на себе субъективную печать времён, народов, стран, лиц» (Шпет, 1927: 13). Понять столь сложный устроенный шпетовский «герменевтический круг», соединяющий индивидуальные и коллективные начала социокультурного бытия сознания; исторические времена, «страны» и «лица»; философский разум, являющийся главной формой осмысленности культурных феноменов, и конкретные гуманитарные дисциплины (например, этнопсихологию или театроведение), вносящие свой вклад в понимание духовно-культурной истории; слово как основополагающее средство процесса творения культуры и собственно феномены словесного творчества, составившие историю культуры и т.д., пожалуй, возможно только через построение столь же сложных и

разнообразных, как и сама культура, «проектов» её понимания, нацеливающих мышление-понимание как на отдельные её составляющие, так и на феномен культуры в целом.

Таким образом, герменевтические акты позволяют освоить, представить не просто смыслы социокультурных феноменов, созданных и создающихся историей (что делает и философию «исторической»), но и проникнуть в историю человеческого сознания. Эту заданную бытием человека связность истории, феноменов культуры и самосознания, подлежащих интерпретации в феноменолого-герменевтической концепции Г. Г. Шпета, философ прекрасно поясняет на примере истории «литературного сознания». Так, философ утверждает: «Предмет литературы – в реальном культурном осуществлении сознательного начала человека, в полноте его духовных проявлений и возможностей. Литературное сознание есть сознание, направленное на предмет, смысл и содержание которого – конкретно-эмпирический дух человека в его развитии и в его истории. Поэтому о литературе можно с полным правом сказать, что она в своей идеальности есть воплощение, материализация самосознания как такового. И в своей реальности – выражение исторического человеческого самосознания, сознания человеком себя как становящегося исторического объекта» (Шпет, 2007: 445).

Такая позиция философа даёт основание утверждать, что «феноменологическая» философия культуры Г. Г. Шпета, ставящая задачу, скажу метафорически – «не рассказать» о культуре (пусть даже на основе философской концептуализации проблемы), а выказать философским языком смыслы культуры, как и смыслы её феноменов, раскрыть эти смысловые духовно-культурные движения присутствующими в живом опыте человеческого сознания, по сути, объединяющего «мир культуры» с «жизненным миром» человека. Такой подход, как нам представляется, даёт основание трактовать созданную Г. Г. Шпетом философскую концептуализацию культуры как философию возможностей – раскрывающей смыслы именно истории культуры человечества и демонстрирующей многообразие исторических модусов социокультурного бытия человеческого самосознания.

Обсуждение

В этом разделе статьи логично, пожалуй, начать с критических оценок философской позиции Г. Г. Шпета его современниками. Так, даже его однокурсники по Киевскому университету, входившие, как и он, в круг «челпановцев», то есть, работавших в психологической лаборатории, организованной Г. И. Челпановым, не поддержали интеллектуальные поиски Г. Г. Шпета. Расхождения с В. В. Зеньковским, как и в целом с плеядой религиозных философов «серебряного века», касались, в первую очередь, проблемы «трансцендентализма»: если Г. Г. Шпет диалектически снимает эту философскую позицию феноменологическим подходом, то русская религиозно-философская традиция, напротив, исходит из трансцендентализма, метафизического

толкования проблемы «абсолютного» в бытии; если для Г. Г. Шпета достаточно понимания «единства вещи», данного в опыте, соединяющем «явление» и «смысл», то в религиозной философии важно понимание того, что постановка проблемы «единства» требует выхода за пределы опыта (см.: Зеньковский, 2001: 764, 781-782). В противном случае, как считают представители этого направления, имеет место выпадение такой традиционной проблемы метафизики как «вещь в себе». Безусловно, тут мы видим принципиальные отличия. Ведь суть дела философии, согласно феноменологической позиции Г. Г. Шпета, заключается как раз в том, чтобы пересмотреть дуалистическую позицию И. Канта, связывающего путь познания с различением феномена и ноумена, и утвердить понимание «единства» вещи, данного в опыте. Кантовская «вещь в себе», как и некое религиозно-мистическое толкование «единства» (предметности) не являются для Г. Г. Шпета выражением невыразимого, которое, тем не менее, существует.

Современные философы достаточно внимательны к творчеству Г. Г. Шпета, поэтому их исследования многообразны по тематике и постановкам вопросов. Центральный интерес (пожалуй, прежде всего в силу «лингвистического поворота» в философии XX века) составляют проблемы философии языка, внутренней формы слова, определения особенностей семиотических, семантических, структуралистских, структурно-лингвистических исследований, у истоков становления которых был Г. Г. Шпет. По данной проблематике, на наш взгляд, целостный характер имеет работа И. В. Павленко (Павленко, 2013). Также стоит отметить исследования актуальных проблем и современной философии, рассматриваемых в контексте творчества философа. К ним относятся постановки вопросов о «философском языке» (Автономова, 2014), о философском рационализме и о перспективах рационалистической культуры (Порус, 2014), о внутренней форме музыки (Келер, Щедрина, 2014). Эти и другие работы значимы для автора, прежде всего, как такие, что восполняют несказанное и дают возможность целостно оценить вклад Г. Г. Шпета в развитие философии.

Выводы

Историко-философские исследования Г. Г. Шпета позволили философу обосновать положение, согласно которому философия в своём историческом развитии проходит следующие исторические формы – мудрости, метафизики, строгой науки. «Положительная философия» (термин Шпета) в качестве «строгой» научной дисциплины является способом обоснования сущего, поэтому предполагает понимание философских истин и за границами собственно познания – в живом опыте человеческого сознания как единства «мышления» и «смысла». Такая позиция выводит философию в практическую сферу бытия культуры. В этой сфере «общность» человеческого сознания оформляется через общение, а не является результатом абстрактно-

логического обобщения форм бытия (как это было в «модерной» философии).

Разработка концепта «философии культуры» как философии возможностей базируется на шпетовском варианте феноменологии, в котором концептуализацию получает социокультурное измерение бытия. Это позволило выделить в опыте человеческого бытия многообразие предметов – социальных, социокультурных, этнопсихологических, художественно-эстетических и других феноменов, связанных с индивидуальным и общественным сознанием, что позволило рассмотреть философию, искусство, науку в контексте исторического бытия культуры.

Список литературы

1. Автономова Н. С. Проблема философского языка у Густава Шпета / Н. С. Автономова // Густав Густавович Шпет; [под ред. Т. Г. Щедриной]. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С. 32-51.
2. Зеньковский В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.
3. Келер Г.-Б., Щедрина Т. Г. Внутренняя форма музыки: Густав Шпет и Самуил Фейнберг / Г.-Б. Келер, Т. Г. Щедрина // Густав Густавович Шпет; [под ред. Т. Г. Щедриной]. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С. 306-323.
4. Павленко И. В. Густав Шпет: Философия языка и проблема семантической интерпретации ментальных феноменов / И. В. Павленко. – Днепропетровск: Национальный горный университет, 2013. – 154 с.
5. Порус В. Н. Спор о рационализме: философия и культура (Э. Гуссерль, Л. Шестов и Г. Шпет) / В. Н. Порус // Густав Густавович Шпет; [под ред. Т. Г. Щедриной]. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С. 10-31.
6. Суходуб Т. Д. Аналитика культуры в философии Серебряного века / Т. Д. Суходуб // Вісник Національного авіаційного університету. Серія: Філософія. Культурологія. Вип. 2 (10). – К.: НАУ, 2009. – С. 165-169.
7. Суходуб Т. Д. Пути философствования: взгляд из Серебряного века / Т. Д. Суходуб // Вісник Національного авіаційного університету. Серія: Філософія. Культурологія. – Вип. 1 (27). – К.: НАУ, 2018. – С. 89-93.
8. Суходуб Т. Д. Эстетика как «форма философии» / Т. Д. Суходуб // Вісник Національного авіаційного університету. Серія: Філософія. Культурологія. – Вип. 1 (31). – К.: НАУ, 2020. – С. 102-108.
9. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию / Г. Г. Шпет. – М.: Государственная академия художественных наук, 1927. – 147 с.
10. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольдта) / Г. Г. Шпет; [изд. 2-е, стереотипное]. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 216 с.
11. Шпет Г. Г. Герменевтика и её проблемы / Г. Г. Шпет // Шпет Г. Г. Философия и психология культуры: избранное / Г. Г. Шпет. – М.: Наука, 2007. – С. 145-215.
12. Шпет Г. Г. Литература (разд. Из Архива Г. Г. Шпета) / Г. Г. Шпет // Шпет Г. Г. Философия и психология культуры: избранное / Г. Г. Шпет. – М.: Наука, 2007. – С. 443-450.
13. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии / Г. Г. Шпет // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. : Очерки истории русской философии. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 217-578.
14. Шпет Г. Г. Работа по философии / Г. Г. Шпет // Логос. Философско-литературный журнал. – М.: СВП «РУСТР», МП «ЭХО», 1991. – С. 215-233.
15. Шпет Г. Философия и история (Речь) / Г. Г. Шпет // Вопросы философии и психологии. – Кн. 134 (IV). – М., 1916. – С. 427-439.
16. Шпет Г. Г. Философское наследство П. Д. Юркевича (К сорокалетию со дня смерти) / Г. Г. Шпет // Юркевич П. Д. Философские произведения / П. Д. Юркевич. – М.: Издательство «Правда», 1990. – С. 578-638.
17. Шпет Густав. Эстетические фрагменты. I / Г. Г. Шпет. – Петербург: Книгоиздательство «Колос», 1922. – 83 с.

18. Шпет Густав. Эстетические фрагменты. II / Г. Г. Шпет. – Петербург: Книгоиздательство «Колос», 1923. – 117 с.

19. Шпет Г. Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и её проблемы / Г. Г. Шпет. – М.: Гермес, 1914. – 219 с.

References

1. Avtonomova, N. (2014). Problema filosofskogo yazyka u Gustava Shpeta [The problem of philosophical language in Gustav Shpet]. *Gustav Gustavovich Shpet, Gustav Gustavovich Shpet*. Moscow: Politicheskaya enciklopediya: 32-51 [in Russian].
2. Zen'kovskij, V. (2001). Istoriya russkoj filosofii [History of Russian philosophy]. Moscow: Akademicheskij Proekt, Raritet [in Russian].
3. Keler, G., Shchedrina, T. (2014). Vnutrennyaya forma muzyki: Gustav Shpet i Samuil Fejnberg [The inner form of music: Gustav Shpet and Samuel Feinberg]. *Gustav Gustavovich Shpet, Gustav Gustavovich Shpet*. Moscow: Politicheskaya enciklopediya: 306-323 [in Russian].
4. Pavlenko, I. (2013). Gustav Shpet: Filosofiya yazyka i problema semanticheskoy interpretacii mental'nyh fenomenov [Gustav Shpet: philosophy of language and the problem of semantic interpretation of mental phenomena]. Dnipropetrovsk: Nacional'nyj gornyj universitet [in Russian].
5. Porus V. (2014). Spor o racionalizme: filosofiya i kul'tura (E. Gusserl', L. Shestov i G. Shpet) [The dispute about rationalism: philosophy and culture (E. Husserl, L. Shestov and G. Shpet)]. *Gustav Gustavovich Shpet, Gustav Gustavovich Shpet*. Moscow: Politicheskaya enciklopediya: 10-31 [in Russian].
6. Sukhodub T. (2009). Analitika kul'tury v filosofii Serebryanogo veka [Analytics of culture in the philosophy of the Silver Age]. *Visnik Nacional'nogo aviacionogo universitetu, Proceedings of the National Aviation University*. 2(10): 165-169 [in Russian].
7. Sukhodub T. (2018). Puti filosofstvovaniya: vzglyad iz Serebryanogo veka [Ways of philosophizing: a view from the Silver Age]. *Visnik Nacional'nogo aviacionogo universitetu, Proceedings of the National Aviation University*. 1(27): 89-93.
8. Sukhodub T. (2020). Estetika kak «forma filosofii» [Aesthetics as a «form of philosophy»]. *Visnik Nacional'nogo aviacionogo universitetu, Proceedings of the National Aviation University*. 1(31): 102-108.

Т. Д. Суходуб

ФІЛОСОФІЯ КУЛЬТУРИ ЯК ФІЛОСОФІЯ МОЖЛИВОСТЕЙ: МЕТОДОЛОГІЧНА ПОЗИЦІЯ Г. Г. ШПЕТА

У статті актуалізується проблема розуміння культури в контексті феноменологічно-герменевтичної методології Г. Г. Шпета (1879-1937). Показано, що «позитивна філософія» (термін Шпета) як «строга» наука є способом обґрунтування сушого, передбачає розуміння філософських істин і за межами пізнання – в досвіді свідомості як єдності «мислення» і «сенсу». Зроблено висновки, що розробка філософії культури як філософії можливостей базується на шпетівському варіанті феноменології, в якому концептуалізацію отримує соціокультурний вимір буття, що дозволяє виділити в досвіді різноманітні предметності – соціальних, соціокультурних, етнопсихологічних, художньо-естетичних та інших феноменів. «Спільність» свідомості в бутті культури оформляється через спілкування.

Ключові слова: Г. Г. Шпет; історія російської філософії; «срібний вік»; феноменологія як філософська дисципліна; герменевтика; культура філософського мислення; філософія культури.

T. Sukhodub

PHILOSOPHY OF CULTURE AS PHILOSOPHY OF OPPORTUNITIES: G.G. SHPET'S METHODOLOGICAL POSITION

Introduction. The article actualizes the problem of culture in the context of the philosophical and methodological position of G. G. Shpet (1879-1937). The formation of «positive philosophy» (in Shpet's terminology) firstly presupposes overcoming the understanding of philosophy as a worldview, morality or preaching, and secondly an orientation toward understanding the existence of consciousness. This consideration of philosophy predetermined the thinker's interest in phenomenology. **The aim** is to recreate Shpet's philosophical and methodological position, which served as the basis for his understanding of philosophy as a «strict science» of meanings. **The tasks** are to reveal the meaning of the philosopher's historical and philosophical works; to present his concept of the historical development of philosophical knowledge; analyze the author's interpretation of the philosophy, art, and science relations in the context of the «phenomenological turn» in philosophy. **Research methodology** is a phenomenological and hermeneutic approach in the context of the ideas of hermeneutics and phenomenology developed by G. G. Shpet. **Research results.** Historical and philosophical researches of G. G. Shpet showed that philosophy in its development passes through the following historical forms as wisdom, metaphysics, strict science. «Positive philosophy» as a «strict» scientific discipline is in the philosopher's concept a way of substantiating existence, therefore it presupposes understanding of philosophical truths beyond the boundaries of knowledge in the experience of consciousness as a unity of «thinking» and «meaning». This position brings philosophy into the practical sphere of the existence of culture. In this sphere the «community» of consciousness is formed through communication, and is not the result of an abstract-logical generalization of forms of being (as in the case of «modern» philosophy). **Discussion.** Research interest is grounded on the works foremost stating the problems of conceptualizing philosophy as knowledge, understanding things as sociocultural phenomena, words as a unit of being, culture as words (Pavlenko I. V., Petrusenko V. L., Soboleva M. E., Shevchuk D. M., Shchedrina T. G. and others). **Conclusion.** The development of the concept of «philosophy of culture» as a philosophy of possibilities is based on G. G. Shpet's variant of phenomenology, in which the sociocultural dimension of being is conceptualized. All mentioned above enables to highlight a variety of objects as social, sociocultural, ethnopsychological, artistic, aesthetic and other phenomena associated with individual and social consciousness in the experience of human existence.

Keywords: G. G. Shpet, history of Russian philosophy, «Silver Age», phenomenology as a philosophical discipline, hermeneutics, culture of philosophical thinking, philosophy of culture.

9. Shpet, G. (1927). Vvedenie v etnicheskuyu psichologiyu [Introduction to Ethnic Psychology]. Moscow: Gosudarstvennaya akademiya hudozhestvennyh nauk [in Russian].

10. Shpet, G. (2003). Vnutrennyaya forma slova (etyudy i variacii na temy Gumbol'ta) [The inner form of the word (sketches and variations on themes by Humboldt)]. – Moscow: Editorial URSS [in Russian].

11. Shpet, G. (2007). Germenevtika i eyo problem [Hermeneutics and its problems]. *Shpet G. Filosofiya i psichologiya kul'tury: izbrannoe, Philosophy and psychology of culture: selected works*. Moscow: Nauka: 145-215 [in Russian].

12. Shpet, G. (2007). Literatura [Literature]. *Shpet G. Filosofiya i psichologiya kul'tury: izbrannoe, Philosophy and psychology of culture: selected works*. Moscow: Nauka: 443-450 [in Russian].

13. Shpet, G. (1991). Ocherk razvitiya russkoj filosofii [Sketch of the development of Russian philosophy]. *Vvedenskij A., Losev A., Radlov E., Shpet G.: Ocherki istorii russkoj filosofii, Vvedenskiy A., Losev A., Radlov E., Shpet G.: Essays on the history of Russian philosophy*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta: 217-578 [in Russian].

14. Shpet, G. (1991). Rabota po filosofii [Work on philosophy]. *Logos. Filosofsko-literaturnyj zhurnal, Logos. Philosophical and Literary Journal*: 215-233 [in Russian].

15. Shpet G. (1916). Filosofiya i istoriya (Rech') [Philosophy and History (Speech)]. *Voprosy filosofii i psichologii, Questions of philosophy and psychology*. 134 (IV): 427-439 [in Russian].

16. Shpet G. (1990). Filosofskoe nasledstvo P. D. Yurkevicha (K sorokaletiyu so dnya smerti) [Philosophical legacy of P. D. Yurkevich (On the fortieth anniversary of his death)]. *Yurkevich P. Filosofskie proizvedeniya, Philosophical works*. Moscow: Izdatel'stvo «Pravda»: 578-638 [in Russian].

17. Shpet, G. (1922). Esteticheskie fragmenty. I [Aesthetic fragments]. Petersburg: Knigoizdatel'stvo «Kolos» [in Russian].

18. Shpet, G. (1923). Esteticheskie fragmenty. II [Aesthetic fragments]. Petersburg: Knigoizdatel'stvo «Kolos» [in Russian].

19. Shpet, G. (1914). Yavlenie i smysl. Fenomenologiya kak osnovnaya nauka i eyo problemy [Phenomenon and meaning. Phenomenology as a basic science and its problems]. Moscow: Germes [in Russian].